

ТЕМА НОМЕРА: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ

УДК 323.22(470+571):316

И. А. Фомин СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС ТРЕБУЕТ СИСТЕМНЫХ МЕТОДОВ ИЗУЧЕНИЯ

ФОМИН Иван Александрович - директор Издательской и консалтинговой группы "Праксис", шеф-редактор Журнала современной философии "Сократ". E-mail: ivanfomin1@gmail.com.

Изучать сложные многоуровневые процессы, применяя только количественные массовые методики и опросы, невозможно. Автор говорит о необходимости использования качественных методик, многоуровневого структурного и институционального анализа идеологий, движений, групп, институтов, тенденций и моделей поведения. Только такой анализ, по мнению И.Фомина, позволит строить какие-либо прогнозы.

Ключевые слова: протестная активность, системный кризис, социологические опросы.

Одним из отличительных признаков системного социально-политического кризиса конца 2011–2012 гг. стала его полная неожиданность как для властей страны, так и для социологического сообщества. Большинство опросов весны-лета 2011 г. демонстрировали сохраняющуюся в обществе стабильность, достаточно высокую поддержку лидеров и властных институтов и отсутствие существенного роста протестной динамики в стране.

Тенденции, которые, безусловно, развивались в российском обществе не один год и которые, собственно, и привели к системному кризису, остались не раскрыты. Их не удалось обнаружить в ходе постоянных социологических замеров ни непосредственно перед началом открытой фазы кризиса, ни, тем более, на ранних стадиях.

Примечательно, что даже сегодня многие социологи считают, что пик политической протестной активности уже миновал, что протесты идут на спад, и в целом, мол, худшее позади.

На наш взгляд, это говорит о системном непонимании макросоциальных и многоуровневых общественных процессов, развивающихся в российском обществе, их инерционного характера, того обстоятельства, что, так же, как трудно раскачать общество на массовые протесты, вывести его из равновесия, перевести в динамическое состояние - так же трудно и вернуть его обратно в состояние покоя, ведь силы, которые перевели общество в динамическое состояние, копились не один год и не могут быть исчерпаны одномоментно.

© Фомин И.А., 2012

Признаки приближающегося системного кризиса фиксировали в первую очередь те немногие исследовательские группы и институты, которые занимаются преимущественно качественными социологическими исследованиями, принимающие во внимание не только данные количественных опросов, но и учитывающие многомерность, нелинейность, многофакторность социального поля, наличие в нем различных тенденций, интеллектуальных, идеологических, культурных, региональных, институциональных и иных контекстов, течений, слоев, уровней, на которых и формируется общественное мнение и долгосрочные общественные тенденции.

В качестве примера этой сложной многоуровневой структуры любого сегмента общества, любой общественной коллизии и даже любого отдельного участника общественных процессов можно привести такую простую ситуацию: человек, которого социологи опрашивают, например, как среднестатистического москвича, дает стандартные ответы на стандартные вопросы — как он проголосует на ближайших выборах, как он оценивает свой уровень жизни, доверяет ли он органам власти и пр. При этом респондент отвечает именно как москвич, житель своего района и т.д. Однако за кадром остается целый ряд его существенных характеристик, важных составляющих его социального и, возможно, политического поведения. Этот же человек одновременно может быть активным членом местной общественной организации или даже ее основателем, активным блоггером, краеведом, сторонником левых взглядов, любителем отечественной истории, профсоюзным активистом, бывшим комсомольским вожаком, участником военно-патриотического клуба и т.д. Все эти контексты определяют его политическое поведение, и если как москвич и житель Бутово он может быть в данный конкретный момент всем доволен, то как националист или левый эколог он может одновременно участвовать в долгосрочной оппозиционной деятельности, ходить на митинги, и этот более системный, или институциональный, групповой уровень своей социальной активности он намеренно или ненамеренно вовсе не демонстрирует в каждый конкретный момент.

Кроме того, люди часто сами не отдадут себе отчет, носителями какой идеологии они являются. Когда человека спрашивают, является ли он сторонником либеральных и рыночных ценностей или же сторонником сильного патерналистского государства, он нередко уверенно причисляет себя к либералам-рыночникам. Но далее, на другие вопросы он же отвечает: «Образование должно быть общедоступным и бесплатным, как и медицина»; «Социальная защищенность должна быть максимально высокой»; «В том, что у меня нет достойной работы виновато государство»; «Жуликов и воров нужно расстреливать на месте»; «Украину нужно срочно присоединить обратно», но при всем этом «я, разумеется, либерал европейского типа». Словом, реальные идеологемы и ценности, определяющие политическое поведение человека, далеко не всегда лежат на поверхности и далеко не всегда осознаются их носителем в качестве таковых.

Аналогично дело обстоит и с различными сообществами: фиксируя мнения отдельных людей по отдельным опросам, традиционные количественные замеры выпускают из виду те процессы, которые развиваются в идеологической, интеллектуальной, культурной, региональной среде, на разных уровнях общественной активности. Между тем именно идеи и смыслы являются движущей силой как политики вообще, так и конкретных протестных движений в частности, поэтому, отказываясь изучать процессы развития идей и идеологий в современном обществе, их формирование, внедрение в различные социальные слои,

постепенное становление в виде неких групповых ценностей и ориентиров и т.д., социологи оставляют без внимания важные социальные и политические процессы.

Люди в современном обществе очень редко действуют как изолированные индивиды (в качестве каковых их обычно и «измеряют» социологи), они почти всегда объединены в группы, начиная от небольших семейных, дружеских, рабочих коллективов и заканчивая более крупными местными, локальными общественными объединениями, формализованными или нет, сообществами в социальных сетях, объединениями единомышленников, партиями и движениями и т.д. Эти объединения не всегда бывают явными и не всегда могут легко фиксироваться при обычных количественных опросах, хотя в периоды социальной активности, социальных протестов и конфликтов их роль многократно возрастает. Люди активируют свои социальные связи, свои коллективные компетенции, стремятся создать коллективы, в которых они чувствуют себя более уверенно и безопасно и которые выходят в моменты всплеска социальной активности на первый план. Но, повторимся, эти коллективы не всегда могут быть формализованы, поэтому их не всегда легко зафиксировать.

Следующий уровень рассмотрения, который обычно упускается из виду, — это работа институтов, основной целью которых является организация различных идеологических и общественных процессов. Речь, в частности, идет об экспертных центрах, СМИ, Интернет-порталах социально-политической, общественной, правозащитной и иной направленности и пр. Казалось бы, если социологи ставят задачу вскрыть причины социальной активности, то работу общественно-идеологических инструментов, генераторов и мультипликаторов общественного мнения нужно изучать в первую очередь и именно в связи с протестами и другими активными социально-политическими процессами. Однако, как это ни парадоксально, зачастую таких задач вовсе не ставится, и мнения отдельных людей — участников протестов, например, изучаются таким образом, словно эти люди являются некими «идеальными субъектами» и «гносеологическими робинзонами», как будто они действуют в безвоздушном пространстве и на их действия не оказывают никакого влияния ни все вышеперечисленные общественные, идеологические и информационные контексты, ни работа тех институтов, общественных объединений и центров, информационных инструментов, которые и создаются для того, чтобы такое влияние оказывать.

Среди других важных факторов, влияющих на развитие общественных процессов в рамках социологических исследований необходимо изучать и те более крупные, макросоциальные, макрополитические и даже исторические контексты, в которых развиваются сегодняшние события. Не зная генеалогии нынешней политической системы и генеалогии нынешних элит в России, не учитывая все эти контексты в их совокупности и динамике, начиная с перестройки, шоковой терапии, ельцинских реформ и построения путинской вертикали и суверенной демократии, не учитывая истории формирования советской и постсоветской либеральной элиты, невозможно понять природу и причины тех общественных процессов, в том числе протестных, которые развиваются сегодня в российском обществе.

Мы стоим буквально на сломе исторических эпох, инерция «общества переходного периода», инерция борьбы с «проклятым советским наследием» и «движения к цивилизованному мировому сообществу» сегодня полностью исчерпана. Люди устали ждать капиталистического светлого будущего, как в 1980-е гг. они устали бесконечно строить коммунизм. Либеральная идея терпит сокрушительный крах на наших глазах, идея

«бесконечного транзита» в некое никому не ведомое «мировое сообщество» больше никого не вдохновляет. Нынешняя власть, предложившая в начале нулевых новый тренд на интеграцию всего постсоветского пространства, на восстановление сильного социального государства, получила от российского общества колоссальный кредит доверия. С тех пор этот кредит успел основательно исчерпаться, сегодня общество вновь оказывается в ситуации стратегического выбора, когда либеральные группы активно предлагают продолжить движение в западном направлении и мобилизуют для этого все накопленные за 20 лет мощнейшие ресурсы. Либералам противостоит только оформляющаяся ныне широкая патриотическая коалиция, объединяющая в своих рядах как левых, так и правых патриотов, сторонников государственного суверенитета страны. Либералы же, как и примкнувшие к ним новые левые и национал-демократы, напротив, сегодня активно обсуждают возможность ограничения суверенитета России или того, что от нее останется, под просвещенным протекторатом США или Запада в целом. Активно обсуждается и тема будущего государственного устройства России — «империя» патриотов противостоит идее «национального европейского государства» националистов и либералов. Нынешняя же правящая элита замерла в оцепенении перед этой разворачивающейся схваткой, не в силах принять ни одну из сторон конфликта.

Это только самые общие черты тех исторических, политических, макросоциальных, идеологических и иных контекстов, в которых развивается нынешняя протестная и социальная активность в стране. Сюда же необходимо добавить и внешнеполитические условия, в которых происходит этот протест, влияние внешних игроков на разворачивающиеся общественные протесты, а также такие факторы, как националистические, этносоциальные, конфессиональные, региональные и сепаратистские движения, активно развивающиеся как в центре, так и во многих регионах страны.

Социальная и политическая активность в сегодняшней России не только никуда не исчезнет, напротив, она находится в начальной стадии своего развития. Борьба, контуры которой сегодня еще только прорисовываются, несомненно, еще впереди, поэтому, чтобы опять в очередной раз не оказаться у разбитого корыта и не упустить в нынешнем социальном и политическом противостоянии самое главное, уже вчера было необходимо развернуть системные многоуровневые качественные исследования всех основных перечисленных выше факторов, контекстов, тенденций, влияющих на формирование как нынешнего, так и будущего социально-политического ландшафта в России.

Изучать эти сложные многоуровневые процессы, применяя только количественные массовые методики и опросы, господствующие сегодня в российской практической социологии, невозможно. Нужны качественные методики, нужен многоуровневый структурный и институциональный анализ не только атомарных носителей или участников протеста, но и их идеологий, движений, групп, институтов, тенденций и моделей поведения. Только такой анализ может позволить системно исследовать данные процессы и строить какие-то прогнозы. Пока, к сожалению, эти процессы остаются без внимания как государственных политических структур, так и исследовательских институтов.